

16. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
17. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 474 с.
18. Ярошевский М. Г. Когда Выготский и его школа появились в психологии // Вопросы психологии – 1996. – № 5. – С. 110–122.
19. Ярошевский М. Г. Дильтеева дихотомия и проблема переживания // Вопросы философии. – 1998. – № 1. – С. 70–79.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КОРРЕКЦИОННАЯ СРЕДА И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ БЛОКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

**В. Т. Волов,
В. В. Волов,
Н. Ю. Волова**

В статье представлены системный анализ психологических и дидактических факторов, воздействующих на процесс обучения в экстремальных условиях, и результаты исследования психоэмоциональных характеристик обучающихся в пенитенциарной системе. Выявлены общие тенденции в перцептивной системе и системе психологических защит, влияющих на когнитивные и коммуникативные процессы. Установлено, что телекоммуникационные технологии наиболее адекватны психическому состоянию обучающегося в экстремальных условиях и эффективны в реализации педагогических задач. Определена коррекционная роль обучения, основанного на телекоммуникационных технологиях.

Проблема борьбы с криминализацией общества остается одной из насущных и в XXI в. В числе важнейших среди всех социальных институтов, которые предпринимают усилия для борьбы с этим злом, должен быть назван институт образования. Современная гуманитарная академия с 1999 г. реализует уникальный проект, заключающийся в получении осужденными высшего образования на базе телекоммуникационных образовательных технологий. Идеи инновационного проекта и механизм его реализации изложены в ряде работ [1, 4]. На протяжении всего времени реализации проекта проводились психолого-педагогические исследования и социально-психологический мониторинг обучения в пенитенциарной системе [2–4]. Одна из значительных и наименее изученных проблем обучения в пенитенциарной системе – исследование психологической среды и состояния обучающихся в экстремальных условиях.

Психологический мониторинг лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях Самарской области, позволил выявить общие тенденции в аффективно-эмоциональной сфере по особенностям перцептивной (система восприятия) и апперцептивной (особенности восприятия, связанные с предшествующим опытом, содержанием и направленностью личности) сфер, а также общие механизмы психологической защиты. Данные исследования отражают связанные со спецификой среды особенности психологической организации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и вступающих в процесс обучения.

Данное исследование ориентировано, прежде всего, на раскрытие подсознательных механизмов эмоционального восприятия и реагирования обучаемого, находящегося в экстремальных условиях. Так, для диагностики механизмов защиты «Я» был применен личностный опросник Р. Плучека. Каждый из восьми защитных механизмов, представленных в методике, определяет соответствующие личностные реакции индивидуума, возникающие в стрессовых и критических (предельных) ситуациях и состояниях.

В психоанализе понятие «защитные механизмы» относится к психическому образованию «Я», посредством данных механизмов обороняющемуся от различных угроз, исходящих от ограничений внешнего мира, требующих удовлетворения бессознательных влечений, фантазий и всевозможных представлений, связанных с идеалами, нравственными ценностями, внутренними запретами. Наряду с охранительными функциями психологические защиты могут играть и патогенную роль в психической жизни индивида. В соответствии с методологией индекса жизненного стиля, лежащего в теоретической основе методики Р. Плучека, защитные механизмы зависят от некоторых личностных черт и коррелируют с различными аффективными состояниями и клинико-диагностическими критериями.

У абсолютного большинства обследованных выявлены три характерных механизма психологической защиты: рационализация, проекция и регресс.

Преобладает рационализация. Данный защитный механизм является осознанным, опосредующим переработку травматической и стрессогенной информации путем объяснения собственных поступков, мыслей, установок, позволяющим скрывать истинные их мотивы и оправдывать себя. Такой тип защиты развивается под влиянием специфических условий и окружения. Обследованный контингент находится именно в такой враждебной, стрессогенной среде. Помимо лишения прав и свобод, человек в рамках тюремного заключения лишается элементарных бытовых условий, ощущения безопасности, погружается в каждодневные фрустрационно-стрессовые ситуации угрозы и неопределенности.

Именно рационализация является наиболее эффективным и удобным механизмом психологической защиты в специфических условиях заключения для осуществления саморегуляции на интеллектуальном и эмоциональном уровнях. Вместе с тем рационализация потенцирует такое личностное свойство, как самоконтроль. Обострение самоконтроля в ситуации хронического стресса и фрустрации (состояние, обусловленное неудовлетворенной потребностью) часто приводит к развитию обсессивно-компульсивных реакций (проявление психоневроза в виде навязчивых мыслей, образов и повторяющихся действий) по невротическому типу. Это сопровождается навязчивыми воспоминаниями, мыслями и желаниями, появляются стереотипные неконтролируемые действия, что влияет на качество жизни и снижает самоконтроль.

Наряду с рационализацией в группе развита проекция – механизм защиты путем перевода субъективных переживаний вовне, наделения внешних объектов внутренними бессознательными желаниями и аффектами. Данный тип защиты сопровождается перенесением вины и ответственности за отвергаемые в себе склонности на кого-либо другого, приписыванием другим людям собственных чувств, качеств и черт характера. В отличие от рационализации проекция свидетельствует об уходе от проблемы и переживания, а не разрешении их путем рационального переосмысления, психологической схождения. Данный тип защиты развивает такое качество, как подозрительность. Человек становится излишне настороженным, с предубеждением относится к другим людям и среде. Формируется предвзятая система восприятия, мышление становится настороженно-критическим к миру. В крайних случаях возможны психические расстройства по параноидному типу (бредовое расстройство), риск развития психических заболеваний.

Также в группе выражена регрессия – специфическая, порой болезненно-патологическая форма защиты. При этом человек как бы возвращается на предыдущие ступени психологического развития, что проявляется в соответствующих типах реагирования, прежде всего на стрессоры – в форме первоначальных, примитивных способов мышления и поведения. Такая аварийная, бессознательная в своей основе форма психологической защиты архаична по своему происхождению. Ее появление у взрослых мужчин в угнетающей стрессогенной среде свидетельствует о критической ситуации психологической атмосферы. Проявление регрессивных реакций свидетельствует одновременно об отказе от осознания проблемы и попытке активного совладания с ней в ситуации безысходности, а также о потере контроля и самообладания с отказом от ответственности и нормативов нравственности. Учитывая специфику пенитенциарной среды, пронизанной криминалом среды осужденных

и прессингом со стороны администрации, провоцирующие регресс факторы сопровождаются тяжелыми психопатологическими реакциями с неконтролируемым выплеском агрессии.

Защитные механизмы активизируются и реализуются, прежде всего, в травматических и стрессовых ситуациях. Хронический характер стрессоров в пенитенциарной среде и узкий диапазон психологических условий адаптации способствует тому, что указанные механизмы защиты и дезадаптивного поведения закрепляются и становятся патогномичными.

Анализируя психологическую структуру выявленного адаптационного аппарата в форме системы защит, нельзя не обратить внимания на тот факт, что ведущим защитам в группе исследуемого контингента заключенных, рационализации и регрессу, соответствуют противоположные личностные черты – бесконтрольность на бессознательном уровне, с одной стороны, и выраженный контроль сознания – с другой. Такое противоречие формирует базис для внутриспсихического конфликта: расторможенное бессознательное и сдерживаемый сознательный самоконтроль создают большое внутриспсихическое напряжение. Дополнительный механизм – проекция – оставляет единственный клапан разрядки напряжения путем проецирования, приписывания внутренних страстей внешнему миру и окружению. Так появляется немотивированная ненависть и (в критической ситуации) спонтанная агрессия. Такое опасное сочетание рационализации и регресса стабильно встречается у 1/3 обследованных в группе. Так же часто встречается сочетание рационализации и проекции, что в итоге тоже чревато развитием интра- и интерконфликтов: в критической ситуации интеллектуальный контроль ослабевает, негативные переживания на бессознательном уровне проецируются вовне, порождая противоречия и конфликты. В целом все указанные формы психологических защит и их сочетания патогномичны в своей сути, в положении и среде испытуемых – опасны.

Некоторые из традиционных защит в обследованной группе не представлены. Отсутствуют реакции по типу замещения и реактивных образований. Остальные виды психологических защит (отрицание, компенсация, вытеснение) представлены незначительно. Все это свидетельствует о едином, общем процессе, закономерно развивающемся в психике обследуемого контингента испытуемых. Выявленная картина становится понятной при учете того факта, что в исследуемой группе сильно выражена алекситимия – психический феномен, при котором индивид почти не идентифицирует собственных чувств и не понимает чувств других людей. При этом алекситимия развивается как защита от негативных влияний окружения и собственных хронических переживаний.

Такие расстройства известны в психосоматической медицине и психоанализе. Алекситимия развивается на фоне дисгармоничного воспитания, психических травм в детстве либо приобретается в ситуации хронического дистресса. Именно ситуация хронического дистресса потенцирует развитие эмоциональной невосприимчивости – таким образом заключенные отгораживают свою психику от лишних переживаний. Данный феномен становится понятным с точки зрения защиты системы: повышая порог реагирования (возбуждения), психика как система ограждает себя от сверхсильных раздражителей для сохранения устойчивости и постоянства внутренней среды. Полученные нами с помощью Торонтовской алекситимической шкалы данные находят подтверждение и у других исследователей: данное расстройство является широко распространенным в пенитенциарной системе. Именно поэтому актуальными остаются такие защиты, как рационализация – совладание с переживаниями с помощью сознательного переосмысления, то есть с помощью дополнительной переработки информации либо с помощью аварийной защиты, такой как регресс – во многом патологической формой адаптации к неприемлемой ситуации. То же касается и проекции – защиты от переживаний и чувств уходом от их переживания и осознания.

Таким образом, в исследуемой системе психологических защит у контингента осужденных, мотивированных на получение образования (высшего) непосредственно в условиях отбывания наказания, выявлены общие тенденции, отражающие специфику как самого контингента, так и условий, провоцирующих их активность. Выявленный конфликт свидетельствует о глубоком кризисе субъект-объектной системы «человек – среда». Исходя из глобальных задач исправления-наказания, выявляя психические и психологические противоречия, связанные с человеческим фактором и самой пенитенциарной системой, для перевоспитания и коррекции преступника требуется учитывать условия, механизмы и детерминированные сбой этой системы. Речь идет, прежде всего, о субъективном, психологическом факторе [1].

Помимо очевидных, негативно влияющих на физическое, психическое и моральное состояние факторов уголовной среды и тяжелых условий жизни осужденных, необходимо исследовать и на практике учитывать сложные психические процессы, происходящие непосредственно при отбывании наказания, вторично влияющие на процесс исправления и коррекции человека [5]. В частности выявленный в данном исследовании внутриспсихический конфликт может быть купирован или преждевременно исключен за счет внешних влияний путем организации таких процессов, как учебный. Однако само по себе образование не является панацеей, так как для исправления и коррекции

человека необходим учет психологических условий, обстановки, окружающей заключенного, и адекватная (*конгруэнтная*) ее организация с выбором допустимых технологий и дидактических методов.

Одной из наиболее подходящих форм обучения, соответствующей социально-психологическому состоянию и нравственно-правовому положению студентов-осужденных, по нашему убеждению, является дистанционная образовательная технология, которая представляет собой телекоммуникационную технологию с использованием специальных учебников, коллективных и индивидуальных занятий, тестового мониторинга усвоения знаний и индивидуальной помощи студенту. Дистанционные образовательные технологии реализуются посредством различных форм и видов организации обучения:

- создания специальной учебной среды;
- широкого использования обзорного обучения, формирующего целостную картину изучаемой области знания;
- регулярного применения глоссарного и алгоритмического обучения, предполагающих системное заучивание фактов и понятий, входящих в профессиональные словари, а также отработки алгоритмов профессиональных умений;
- погружения в сферу развивающего обучения, тренирующего обучающегося в самостоятельном поиске информации, ее творческом осмыслении и самостоятельных действиях в изменяющихся условиях;
- применения тотального контроля знаний обучающихся.

Именно такие формы обучения, организационно и технологически избегающие выявленных психологических защит и эмоционально-аффективных блоков, выводящие образовательный процесс за рамки межличностного взаимодействия и восприятия, также искаженного и деструктивного, уходящие от традиционных менторских методов управления учебным процессом, соответствуют *принципу конгруэнтности* в образовании [4].

В такой ситуации, когда знания передаются напрямую, тесты и экзамены проводятся в электронном виде, минуя «посредников» в роли экзаменаторов, социально-психологический барьер, психические блоки и последствия пенитенциарной блокады, педагогический процесс создает уникальную образовательно-коррекционную ситуацию. Студент-осужденный как бы возвращается в ситуацию из далекого прошлого, подсознательно входит в роль ученика. Реализуется программа позитивного регресса в противовес патологической форме защиты по регрессивному типу. У студента активизируется интеллектуальная деятельность, управляемая виртуальными средствами и направляемая учебными задачами.

Таким образом, развитая система сознательных психологических защит переводится в здоровое русло. Многочисленные средства обучения (слайд-лекции, телелекции, обучающие компьютерные программы, работа в цифровой библиотеке и др.) создают канал для утилизации неотрагированных чувств и переживаний, спроецированных на других. Новые впечатления, образно и эмоционально окрашенный учебный материал активизируют перцептивные каналы и воображение, новая информация вносит свежую струю в эмоционально-аффективные переживания и сознание осужденных. Указанные эффекты выводят педагогический процесс за пределы образовательного и вносят психотерапевтический уклон. Именно при таком подходе, с учетом социально-психологические факторов и выбором конгруэнтных форм и методов обучения, в экстремальных условиях формируется образовательно-коррекционная среда, решающая проблемы развития и исправлении личности.

Литература

1. Бондаревская Е. В. Личностно ориентированное образование: опыт разработки парадигмы. – Ростов н/Д: Южн. отд-ние Рос. акад. образ., 1997. – 184 с.
2. Волов В. В. Сублимирующий психологический эффект высшего образования и его влияние на психику заключенных. Сб. материалов к Всерос. конференции «Обучение осужденных». – СПб., 2001. – С. 82–86.
3. Волов В. Т., Волова Н. Ю., Волов В. В. Психологический мониторинг дистанционного образования в пенитенциарной системе // Известия Российской академии образования. – М., 2004. – № 2. – С. 35–40.
4. Волов В. Т., Волова Н. Ю. Инновационные образовательные процессы в экстремальных условиях. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2005. – 116 с.
5. Литвишков В. М., Митькина А. В. Пенитенциарная педагогика. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 400 с.